

Ариша ЗИМА

Терпкий вкус
зимнего поцелуя

Сборник рассказов.
Избранное

Ариша Зима

Терпкий вкус зимнего поцелуя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73187858

SelfPub; 2026

Аннотация

В сборнике рассказов члена Союза писателей России Ариши Зима «Терпкий вкус зимнего поцелуя» собраны лучшие истории о любви, ранее получившие признание представителей профессионального сообщества и простых читателей. Избранные рассказы автора посвящены людям, познавшим великое чувство, которое способно подарить крылья или изломать судьбу навсегда.

Героями повествований любовь дается как испытание, где счастливый финал возможен благодаря великодушию и умению жертвовать малым во имя великого.

Погружаясь в сюжеты рассказов Ариши Зима, читатели во многом узнают себя в героях ее повествований.

Содержание

Случайный портрет	4
Однажды про любовь	25
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ариша Зима Терпкий вкус зимнего поцелуя

Случайный портрет

С юных лет меня приучали к порядку во всём: сначала воспитательный процесс касался уборки своей комнаты и бережного отношения к вещам, по мере взросления аккуратное отношение нужно было проявлять к приготовлению пищи и ведению хозяйства. Будучи молодой девушкой, я часто слышала нотации о формировании правильных отношений с противоположным полом. К последним наукам родители относили целомудренное ожидание будущего мужа, который должен был после завершения очного обучения в институте влюбиться в меня с первого взгляда и прожить в браке со мной всю жизнь. Однако судьба распорядилась иначе, разрушив представления родителей о моей жизни, разложенной ими по полочкам.

Едва окончив первый курс института, я встретила женатого мужчину, вскружившего мою голову. Не дожидаясь предложения руки и сердца, мы стали близки и поняли, что созданы друг для друга. Однако узнав о моей беременности,

возлюбленный попросил время, чтобы подумать о дальнейшей судьбе своей семьи. Позже выяснилось, что обещание о разводе оказалось обыкновенным враньем. Вскоре началась череда встреч и разговоров о смертельной болезни супруги и невозможности сейчас соединить наши судьбы. Когда токсикоз и растущий живот было не утаить, мне пришлось признаться родителям, что я жду ребенка. В доме разразился грандиозный скандал. Сильнее всего лютовал отец: он метался по квартире, словно раненый зверь, и рычал от гнева. Родитель поклялся убить развратника, испортившего мою жизнь, но после уговоров мамы успокоился и согласился встретиться с потенциальным зятем.

Вскоре мне пришлось перевестись на заочное обучение и снова ждать, когда любимый сделает главный выбор в своей жизни. Законной супругой этого человека я так и не стала, но после появления на свет дочери еще несколько лет терпела его ложь и наивно надеялась на создание настоящей семьи.

Жена моего избранника знала о существовании другой семьи своего супруга, но покорно принимала его измены и тоже верила, что их многолетняя совместная жизнь и две прекрасные дочери перевесят мимолетный роман на стороне. Нервная система этой мудрой женщины оказалась сильнее моей. Когда Машеньке исполнилось три года, я прекратила эти отношения, больше похожие на агонию, чем близость двух сердец.

Вскоре я окончила институт, но с маленьким ребенком на руках не сразу нашла приличную работу. Приходилось браться за любую халтуру и по ночам за деньги писать курсовые и контрольные работы для нерадивых студентов. Понадобилось еще несколько лет, прежде чем я нашла достойное место, сняла квартиру и встретила мужчину, с которым захотела связать свою жизнь. Отец радовался моим успехам, словно ребенок. Он перестал досаждать меня упреками, называть неудачницей и смиренно ждал дату моей свадьбы. Маме было поручено выбрать для меня самое роскошное платье и непременно уговорить жениха поспешить с празднованием самого долгожданного события в жизни отца.

Я понимала, что в моей судьбе появился порядок. Мужчина, свободный от обязательств к другой женщине, был готов стать моим супругом. Рутинная офисная работа приносила стабильный доход. Дочь радовала успехами в школе. В моей квартире, которую помог приобрести отец, было чисто и уютно. Однако душе чего-то не хватало. Отец, обратив внимание на мой унылый вид, предположил, что причиной тому была усталость, накопленная за несколько лет монотонного и однообразного труда. Только мама, глядя мою голову на своих коленях, утверждала, что мне нужна настоящая любовь. Слезы невольно потекли из моих глаз, мне пришлось напомнить ей про осколки развитого сердца, которые я собирала несколько лет после этого чувства, парализующего разум, и невыносимую боль, долго жившую в моем теле. «Бед-

ная моя девочка», – нежно сказала мама и предложила подумать об отдыхе на берегу Черного моря. «Какой отдых? Перестань баламутить дочь, никакого отдыха до свадьбы не будет. И хватит там шушукаться, идите кушать. Манюня уже стол накрыла», – вдруг послышался возмущенный голос отца из кухни. Машенька стала ругать деда – она терпеть не могла, когда он так её называл. Мы с мамой засмеялись и отправились снимать пробу с фирменного плова папы.

На следующий день, когда дочка пошла в школу, я снова отправилась на работу. Сентябрь уже раскрасил листья прекрасный и желтый цвета, сковал лужи тоненьким ледком. Солнышко всё еще ласково светило, но не грело. В офис заходить не хотелось. Зажмурив глаза, я немного постояла на крыльце, чтобы насладиться ароматом прелых листьев и немного помечтать. Полет моих мыслей прервал руководитель, который заходил в офис. Он назвал меня по фамилии и попросил срочно зайти к нему в кабинет. Глубоко вздохнув, я утвердительно кивнула и пошла вслед за ним. Однако вместо очередных дел и задач начальник сообщил мне о командировке в Ульяновск для участия в конференции, посвященной сохранению исторического облика городов. Он пытался объяснить, что сам планировал посетить это мероприятие, но внезапно был приглашен на симпозиум в Китай. Я рассмеялась в голос, чем вызвала приступ гнева у руководителя, но потом извинилась и с удовольствием согласилась на это путешествие. В бухгалтерии, где я получила день-

ги на командировку, живо и горячо обсуждали желание босса купить жене новую роскошную шубу под видом срочного симпозиума за границей и откровенно сочувствовали моей ссылке. Чтобы не раздражать коллег, я сокрушалась решению начальника, но в глубине души радовалась маленькому празднику свободы от бумаг, компьютера и унылого однообразного вида из офисного окна.

При покупке билетов мне объяснили, что прямых авиарейсов в Ульяновск не предусмотрено. Чтобы добраться до нужного города, сначала необходимо попасть в Москву, а через несколько часов отбыть в пункт назначения, в котором находились два аэропорта – в один я должна была прилететь, из другого улететь. Внимательно выслушав эту информацию, я снова вспомнила начальника, который «подарил» мне это путешествие. Улыбнувшись в глубине души этому хитроумному плану босса по замене Ульяновска на Китай, я отправилась собирать чемодан.

Мой отъезд в другой город все восприняли без лишних слов и возражений, только отец требовал отказаться от поездки. Он, как несколько лет назад, стал метаться по дому, кричать гадости в мой адрес. «Я тебя знаю, ты опять всё испортишь», – кричал обезумевший отец. «Папа, эта деловая поездка, а не романтическое свидание. Кроме того, поручение руководителя», – спокойным тоном отвечала я. «Таня, Таня, вразуми свою непутевую дочь. Никаких командировок до свадьбы...» – обращаясь к маме, кричал отец. «Родной,

успокойся, она не собирается там крутить романы», – глядя по его руке, говорила мама. «Мамочка, а ты что, не вернешься?» – дрожащим голосом спросила Машенька. Я обняла перепуганного ребенка и потребовала у отца прекратить этот балаган. В аэропорт меня отвезли на служебной машине.

Перелет до Москвы случился по расписанию, однако потом начались задержки рейса – в Ульяновск я прилетела глубокой ночью. Аэропорт прибытия находился в активной стадии ремонта, всюду были доски, строительные материалы, защитные баннеры. На взлетной полосе меня приветливо встретили организаторы мероприятия и проводили в автобус. Трудный и длительный перелет, смена часовых поясов утомили, всю дорогу до гостиницы я проспала и не успела рассмотреть красоту ночного города.

Набравшись новых сил, утром я привела себя в порядок и отправилась на регистрацию участников семинара. Предупредив организаторов об особенностях своего отлета, я погрузилась в мир новых интересных встреч и бесед. Три дня пролетели, словно одно мгновение. Зажигательного романа не случилось, коллеги вели себя очень достойно, как и я, с удовольствием наслаждались возможностью отдохнуть от офисной мебели и горы деловой переписки.

После завершения семинара коллеги стали разъезжаться по домам. Я напомнила организаторам мероприятия название аэропорта, из которого планировала улететь на следующий день, и отправилась прогуляться по аллеям двух боль-

ших шикарных парков, усыпанных желто-красными листьями и колючими плодами каштанов.

Побродив по паркам и насладившись красотой, я поняла, что окончательно замерзла. Чтобы согреться и выпить чашку горячего кофе, я зашла в торговый центр. Здание внутри поразило меня своими размерами, всюду горели рекламные вывески и пахло свежей выпечкой. На втором этаже этого огромного помещения мое внимание привлекли необычные картины. Пейзажи захватили воображение, а портреты восхищали. Застыв возле очередного рисунка, я вдруг услышала приятный мужской голос за своей спиной: «А хотите, я Вас тоже нарисую?» Обернувшись, я увидела неказистого мужчину среднего роста лет пятидесяти. Бархатистый голос, красивые руки и серые глаза как будто принадлежали другому человеку. Его лицо портили длинные, как мне показалось, невымытые волосы и по-детски вздернутый нос. В ответ я улыбнулась и вежливо отказалась. «Ведь вы никуда не спешите, до самолета вам еще почти целые сутки, решайтесь!» – стал настаивать незнакомец. «Откуда вы знаете?» – растерянно спросила я. «Вы не похожи на женщину из этих мест, значит, Вы приезжая. У Вас есть время разглядывать картины, значит, вы никуда не спешите и, вернее всего, отправитесь домой только завтра», – ответил художник. «Почему Вы решили, что я не местная?» – не унималась я. «Вы не бегаете судорожно по бутикам и магазинчикам, а тратите время на искусство», – хитро улыбаясь ответил мужчина. «Садитесь к

свету», — почти командным тоном сказал художник, и взял лист бумаги.

Мне вдруг захотелось подчиниться, я согласилась на эксперимент, но предупредила, что не умею позировать и долго молчать. Собеседник рассмеялся и разрешил вести себя непринужденно. Правда, сам не умолкал ни на минуту. Мне удавалось вставлять лишь короткие реплики. Как оказалось, художник с детства был сиротой и мечтал о своей дружной и счастливой семье, но женился на сварливой женщине, которая не смогла родить ему детей. На огромном участке земли он сам построил большой дом, но от одиночества спасался в этом торговом центре, рисуя лица прохожих. Любимая работа приносила ему радость, но в жизни не хватало настоящей любви. Он корил себя за то, что не развелся с той женщиной еще двадцать лет назад, но до сих пор не потерял надежду закончить свою жизнь в объятиях любимой и любящей женщины. Мужчина вдруг замолчал и посмотрел на меня. Я попыталась заполнить паузу другой темой, но художник не унимался и снова стал говорить о великом чувстве, без которого жизнь даже самого отчаянного оптимиста наполнена тоской и печалью.

Казалось, что мужчина давно закончил рисовать портрет и просто смотрел на меня, но почему-то мне не хотела прерывать наш разговор. Спустя два часа мастер показал результат своего труда. На бархатистом листе бумаги на меня смотрело собственное отражение, которое художник явно

приукрасил, сделав выразительнее большие и очень грустные глаза. В правом нижнем углу стояла дата и подпись автора. Я поблагодарила за работу и потянулась за деньгами, но мужчина остановил меня и сказал, что сделал мне подарок. Он хотел еще что-то сказать, но к нам подошла молодая пара, которая решила сделать заказ. Мужчина стал метаться между ними и мной. Улыбнувшись, я взяла картину, поблагодарила за проведенное вместе время и ушла.

Найдя кофейню, я присела за столик, чтобы вдоволь насладиться своим портретом и свежесваренным кофе. Я смотрела в отражение своих глаз и удивлялась, как незнакомый мужчина всего за несколько часов смог разглядеть всю горечь и боль, жившие в моём сердце. В голову приходили воспоминания о молоденькой дурочке, без памяти влюбленной в человека, не способного на поступок, и женщине, которая пытается слепить свою жизнь без любви. Новый избранник не сумел залечить мои раны, не вдохнул в сердце нежность. Я не скучала по нему, не томила в расставании, не задыхалась от волнения, слыша его голос в трубке телефона и не понимала, зачем обрекала себя на этот странный брак. Потом вспомнила отца, который уже выбрал себе костюм для моей свадьбы, и решила отогнать эти дурные мысли из головы, ведь рядом со мной был в сущности неплохой человек. Рассчитавшись за кофе, я решила продолжить прогулку по осеннему городу, укрытому разноцветным ковром из листьев.

На выходе из торгового центра меня догнал художник: «Слава богу, я успел. Только не смейтесь. Вы забрали мое сердце, теперь оно принадлежит Вам. Если Вы не улетите, я буду ждать Вас здесь каждый день». От неожиданности я даже растерялась и ответила: «Не мучайте себя напрасно, я еду домой к своей семье». «Милая моя очаровательная незнакомка, у Вас будет новый дом и новая семья, только согласитесь остаться», – задыхаясь от волнения, сказал художник.

Никогда прежде я не видела таких порывов у мужчин по отношению к себе и почувствовала прилив нежности и тепла. «Спасибо Вам, трепетный художник, за всё», – ответила я и погладила его по щеке. Он взял мою руку, приложил к своим губам и отпустил.

Я вернулась в гостиницу и собрала чемодан, наполнив его до краев подарками для родных и копчеными морскими дарами. Снова посмотрела на свою картину и уложила ее в багаж.

Перед отъездом из гостиницы я решила позавтракать в номере. Он был оборудован весьма скромно – питьевую воду и кипяток нужно было брать в коридоре. Кулер находился рядом с моим номером. После душа я набросила халат и вышла в коридор за водой. Оставив дверь открытой, я подошла к агрегату и вдруг услышала резкий хлопок. Сильный порыв ветра и сквозняк сделали своё коварное дело, закрыв дверь моего номера. Я стала шарить по карманам халата и поняла,

что ключ оставила внутри.

Неприятный холодок пробежался по моей спине, но я не растерялась и стала искать горничную на этаже. Пробежав длинный коридор, я не нашла ни души. Спускаться к дежурному администратору в neglige было стыдно, но страх опоздать на собственный рейс оказался сильнее приличий. В одноразовых тапочках и халате, наброшенном на голое тело, я заскочила в лифт и молила Бога, чтобы в него больше никто не входил. Когда двери распахнулись, словно шпион, я сначала высунула голову, оценила обстановку и только потом решила переступить порог лифта.

За стойкой регистрации отеля стояла молодая девушка. Увидев меня в таком виде, она даже не удивилась, видимо, за время работы она научилась не удивляться по пустякам, mildly спросила, чем могла помочь, и, услышав просьбу, начала искать дежурную по этажу. Пышногрудую хохотушку искали более тридцати минут. Когда мне снова удалось попасть в номер, я забросила последнюю мелочевку в чемодан, несостоявшийся завтрак в пакет и пулей выскочила из гостиницы, где меня уже ждала машина организатора мероприятия. Посмотрев на часы, я поняла, что успевала к самолету впри-тык. Мужчина за рулем уверил, что знает, куда ехать, и мы отправились в путь.

Спустя полчаса наш автомобиль пронесся по огромному мосту, который носил гордое название «Императорский». Водитель нудно и долго рассказывал мифы и легенды о чуд-

ном техническом сооружении, соединяющем берега матушки-Волги, а я слушала его вполуха и мечтала поскорее попасть в аэропорт. Мужчина не обращал на меня внимания и продолжал повествовать о главном предназначении моста, он стал центром проведения фотосессий на свадьбах и вечеринках, в связи с чем после обеда на нём всегда были жуткие пробки. Учитывая раннее утро, водитель радовался относительно пустой дороге.

Добравшись до аэропорта, мужчина высадил меня возле автобусной остановки и, пожелав удачного полета, тут же уехал. Я вытащила ручку чемодана и покатила его к главному входу, который находился метров в пятистах от остановки. Я стала крутить головой по сторонам и обнаружила строительный мусор, разбросанный по сторонам. «Какие молодцы, подумала я, сразу два аэропорта ремонтируют». Меня даже не смутило соревнование мужчин в форме, которое проходило на соседнем поле. Я достала документы и радостно протянула их женщине, которая стояла на входе и мило мне улыбалась. Она посмотрела на билет и сказала, что я приехала слишком рано, потому как рейс на Москву планировался через шесть часов, а потом снова заглянула в проездной документ и сообщила, что я приехала не в тот аэропорт.

После окончания конференции я выбросила все бумажки, где были написаны номера организаторов; в памятных буклетах никаких сведений, необходимых для связи, не было; мужчина, который привез меня не туда, давно уехал; в связи

с ремонтом авиагавани таксисты здесь не работали; расстояние между воздушными портами составляло более ста километров; в Москве меня ждал стыковочный рейс домой – от страха и безысходности моё сердце оборвалось в пропасть...

Я поплелась на автобусную остановку и вдруг увидела машину, из которой выходила девушка. Выскочив наперерез транспорту, я стала умолять отвезти меня в другой аэропорт. Таксист стал что-то невнятно мямлить о пробках на мосту, но предложенные деньги отбросили его сомнения. Я прыгнула в машину, и мы помчались в другой аэропорт, который оказался в чистом поле. Я видела свой самолет, который стоял на взлетной полосе, но на рейс меня не пустили, поскольку регистрация на него была уже завершена и запущена работа бортовых самописцев. Под гул взлетающего самолета я рыдала на скамейке возле входа в злосчастный аэропорт.

Таксист, увлеченный моим рассказом о неудачном путешествии, пытался вместе со мной уговорить сотрудников аэропорта взять меня на борт, а потом, сидя на лавочке рядом, всё время курил и пытался утешить. Когда приступ истерики отступил, я поблагодарила мужчину за участие и попросила отвезти меня к организаторам мероприятия. Всю обратную дорогу мужчина пытался шутить и намекал, что всё произошедшее случилось вовсе неслучайно. Он всё время подмигивал и глупо улыбался, но я сделала вид, что не поняла его странных намеков, и за время в пути смогла дозвониться в авиакомпанию, чтобы перенести бронь москов-

ского рейса на следующий день. Сотрудники аэропорта рассказали, что до столицы можно было добраться вечерним поездом, билет на который я планировала попросить приобрести у организаторов конференции.

Мужчина подвез меня к историческому зданию, написал номер своего телефона и предложил встретиться, если я решу остаться жить в этом городе. «Второе предложение за сутки...» – подумала я, улыбнулась, попрощалась и вышла из машины.

Зайдя в здание, я услышала радостный смех, веселье, звон бокалов, не характерный для чаепития. «Добрый день», – хриплым от рыдания голосом сказала я, когда зашла в шумный кабинет. В кабинете наступила гробовая тишина. «Вы что, не улетели?» – спросила женщина, которую я несколько раз предупреждала о маршруте своего возвращения домой. «Как видите, меня отвезли не туда», – шмыгая носом, ответила я. «А мы здесь немного отмечаем окончание семинара. Такая нагрузка, все так устали... Присоединяйтесь к нам», – бодро предложила другая женщина. «Если вы не возражаете, я бы хотела попасть домой», – с трудом скрывая злость, сказала я.

Организаторы немного посовещались и купили мне билет на поезд, который прибывал в Москву рано утром. До отправления было еще много времени, но я решила не рисковать и отправилась на железнодорожный вокзал, слава богу, в этом городе он был один. Побродив немного по террито-

рии, я почувствовала усталость и решила расположиться в зале ожидания.

Когда напряжение схлынуло, я вспомнила, что забыла позавтракать, достала из пакета кусочек колбаски, коробочку с творогом и вдруг услышала слабенькое мяуканье. Покрутив головой, я обнаружила маленького серого котенка с голубыми глазами. Он жалобно смотрел на меня и явно просил еду. «Пускай сегодня хоть кому-то повезет», – подумала я и отдала ему свой завтрак. Пушистый комочек скромничать не стал, а когда доел последние крошки творога, расположился возле меня и заснул. Так мы с ним и просидели до первых вечерних сумерек.

В голове моей кружились мысли о том, как странно сложился этот день. Такое чувство, будто этот город не отпускал меня домой. «Может, художник, способный разжечь любовь в сердце, был моей судьбой?» – думала я, но снова гнала от себя эти крамольные мысли прочь. Стабильность и порядок во всём – вот что нужно любой женщине. Во всяком случае меня к этому приучили родители и горькие уроки из личной жизни. Попрощавшись с котенком, городом и своими мыслями, я зашла в свой вагон.

В купе меня ждал новый «сюрприз». На полу стояли две пары стоптанных ботинок, на столе недопитая бутылка дешевой водки и кусок докторской колбасы. Постели были не заправлены, в воздухе витал устойчивый запах нестиранных мужских носков. На нижних полках сидели двое креп-

ких подвыпивших мужчин сорока и тридцати лет. Лица их не были измучены душевными терзаниями героев Шекспира, Бунина или Куприна. Мужчины были одеты в растянутые спортивные штаны и застиранные майки. У того, что постарше, через всю лысую голову проходил свежий багровый шрам. Поздоровавшись с попутчиками, я захотела забраться на верхнюю полку, на которую был приобретен билет, но мужчины стали возмущаться такой несправедливостью и предложили поменяться местами с молодым незнакомцем. Мне пришлось подчиниться, сесть на нижнюю полку и всю ночь слушать рассказы попутчиков про их жизни. Они пили, ржали как кони и неуклюже пытались ухаживать за мной. Парни возвращались домой из длительной командировки, где работали вахтовым методом на добыче нефти. Оба везли приличные суммы денег и мечтали предаться земным утехам с хорошенькими девицами. Последнее желание здоровых мужиков окончательно лишило меня сна, я решила не переодеваться, закуталась в одеяло и умоляла Бога доехать невредимой.

Свои травмы и шрамы добытчики нефти объясняли производственными издержками, которые не влияли на все остальные органы. Чтобы «переключить» собеседников на другой лад, я поделилась историей своего неудачного путешествия и получила сразу двоих помощников, готовых проводить меня до самолета. Я поблагодарила за помощь и предложила немного поспать. Мужчины уснули, а я не смогла со-

мкнуть глаза. Утром сон всё же сморил меня, но я проснулась от взгляда молодого попутчика, который смотрел на меня с верхней полки. «Доброе утро», – шепотом сказал мужчина. В ответ я кивнула. «Я проснулся от запаха Ваших духов и перевесил Ваш плащ ближе, чтобы дышать ими», – с придыханием сказал парень. Посмотрев на часы, я поняла, что скоро мы прибудем в Москву, сбросила одеяло и предложила всем просыпаться. Мужчина постарше завошкался и закрихтел, я пошла в туалет.

Когда мои попутчики умылись, побрились, привели себя в порядок, оделись в приличные костюмы, они выглядели очень достойно. Каждый из них украдкой вручил мне листок с номером телефона и предложением встретиться. Они проводили меня до выхода на аэроэкспресс, который шел в сторону аэропорта, и вручили расписание маршрутных автобусов,двигающихся из Москвы до Рыбинска – на случай, если я захотела бы приехать в их родной город.

Распрощавшись со своими попутчиками, я шагнула на перрон другого вокзала, без приключений добралась до воздушной гавани и почувствовала, как сильно устала. Я боялась, что за сутки в пути моя ульяновская копченая рыба испортилась, но открывать чемодан не решилась, запаковала в транспортировочную пленку и отдала в багаж. Избавившись от тяжести, я прошла предполетный досмотр, нашла кафе рядом с выходом на посадку, заказала бокал вина с лег-

кой закуской и стала перебирать в голове события минувших четырех дней. За это время я испытывала восторг, радость, страх, но не чувствовала тоски от расставания с мужчиной, которому дала согласие стать его женой. Я пыталась понять, что меня связывало с ним, и не могла найти причины, кроме неудержимого желания отца выдать меня замуж. Эта командировка открыла во мне притягательность и женскую силу. За столь короткое время я стала объектом обожания мужчин, разных по возрасту, социальному положению и внешним данным. Возможно, их предложения были несерьезными, основанными на мимолетном увлечении, но они интуитивно тянулись к теплу и желанию любить, что, безусловно, трогало мою израненную душу...

Рейс был выполнен точно по расписанию. Утром следующего дня я приземлилась в родном городе. Выходя из багажного отделения, я услышала звонкий детский крик: «Мамочка!» Стала глядеть по сторонам и увидела Машеньку, которая пробиралась сквозь толпу взрослых людей. Она прижалась ко мне и стала тараторить, что очень соскучилась. Слезы невольно потекли из моих глаз. Родители стояли поодаль и о чём-то говорили с будущим зятем. Он, опустив голову, только мотал головой. Мы обнялись, я посмотрела на своего избранника и, почувствовав резкий запах алкоголя, увидела на его лице все признаки трехдневной попойки. Родители предложили отметить мой приезд у себя в квартире. Сначала я хотела отказаться – слишком длинной и утомительной бы-

ла дорога домой, но потом согласилась, чтобы в красках рассказать обо всех приключениях, которые со мной случились. За праздничным столом мы пробовали ульяновские деликатесы. Они, как и я, стойко перенесли все трудности нашего путешествия. Машенька расспрашивала про осенние парки, отец интересовался архитектурой города, в котором родился вождь пролетариата Владимир Ульянов (Ленин), мама, рассматривая мой портрет, просила подробнее рассказать про художника, только мой избранник зевал и откровенно скучал. Я смотрела на него и чувствовала растущее отвращение к человеку, с которым когда-то хотела связать жизнь.

Спустя несколько дней я рассталась с этим мужчиной. Он пытался выяснить отношения, требовал объяснений моему поступку и признаний в измене. Не найдя других аргументов, я сказала, что не любила его. Однако в ответ услышала только нервный смех. Он крутил у виска и говорил, что любовь – это чувство для малолеток, а взрослая жизнь должна быть основана на уважении друг к другу. Потом начались упреки в мой адрес о чрезмерной увлеченности работой и плохом воспитании дочери. Но слушать его мне больше не хотелось, я прекратила разговор и наше общение навсегда.

Папа помог повесить мой портрет на стену. Он не ругался, но всё время тяжело вздыхал и сетовал на мою «дырявую» судьбу. Я успокаивала его и благодарила за помощь.

Моя душа словно пробудилась ото сна, после этой стран-

ной командировки я будто снова захотела дышать полной грудью и мечтать о любви. Мои желания вскоре сбылись, и я полюбила. В своем избраннике я нашла всё то, что искала в мужчине. Но он был женат.

Перемены в моих глазах первой увидела мама, она стала пытаться меня, но свою тайну я не открыла – не хотела снова делать больно родным мне людям и слушать обвинения в том, что в моей жизни снова один беспорядок. Я решила оставить всё как есть, не ожидая от мужчины судьбоносных решений, без ультиматумов и надрыва, но вскоре он сам сделал свой выбор, оставшись со мною навсегда.

Мы венчались в маленькой, но очень красивой церкви нашего города. Всю церемонию я очень волновалась, всё происходящее казалось мне сном. Когда батюшка закончил обряд, он предложил родственникам поздравить молодых с праздником. Я повернулась к родным и увидела лица моих родителей. Самым заплаканным стоял отец. За праздничным столом он чаще всех говорил тосты и громче остальных кричал: «Горько!...»

Вскоре мы купили новую квартиру, но муж наотрез отказался брать с собой мой портрет, выполненный художником в той самой командировке. Сначала супруг утверждал, что работа выполнена топорно и неумело. И лишь спустя несколько минут спора признался, что не хотел видеть в своём доме работу мужчины, который был увлечен мной. Картину в новом доме я не повесила, спрятала её в дальнем углу

темнушки. Я не смогла избавиться от полотна навсегда, ведь на нём стояла дата того удивительного дня, когда мне захотелось изменить свою жизнь и снова влюбиться...

Однажды про любовь

Мои родители развелись, когда мне исполнилось пять лет. Я совершенно не помнила семейные застолья, прогулки или отпуска, но отлично запечатлела в своей памяти скандалы и крики самых близких людей. Мне казалось, они ссорились по любому поводу. В конце концов, устав от взаимных упрёков и бесконечного раздражения, папа собрал вещи и покинул нашу комнату в коммунальной квартире.

Вскоре отец снова женился и со временем вообще перестал со мной встречаться. Мама хотела вернуться в небольшой городок, откуда была родом, но отсутствие работы и пустые прилавки в захудалом гастрономе малой родины заставили остаться жить и трудиться в областном центре, где она устроилась работать чертёжницей в инженерно-проектный институт и получила секцию в казённом общежитии.

Мы жили очень скромно, но в доме всегда были яблоки и мои любимые шоколадные конфеты «Маска». Мама брала работу на дом и часто засиживалась допоздна. Я любила наблюдать за тем, как «рождались» её чертежи, но иногда мечтала о том, чтобы вечерами мама занималась только мной, изредка скучала об отце, но со временем полюбила одиночество.

С появлением первой вычислительной техники мама смогла освоить новую профессию. Когда я заканчивала пя-

тый класс, помимо основной работы, она трудилась дизайнером в двух фирмах, предлагающих своим клиентам ультрамодный евроремонт «под ключ». Она стала много зарабатывать, и вскоре мы перебрались в кооперативную квартиру, на стенах которой вместо дешёвых бумажных обоев с васильками были поклеены роскошные полотна «шёлковый путь». В доме появились импортная мебель и бытовая техника, мой гардероб наполнился качественной турецкой обувью и одеждой. Мне казалось, что мы были абсолютно счастливой семьёй, пока мама не объявила своё решение снова выйти замуж...

Её избранником стал успешный предприниматель Игнат Алексеевич, которому она делала проект перепланировки огромной квартиры в центре города. Я не знала, сколько времени длился их роман, но эмоционально убеждала маму не спешить с ответом. Она молча смотрела на мой приступ истерики и ответила, что не собирается рушить своё счастье из-за моих капризов, тем более в её положении. Мама объяснила, что ждёт ребёнка. Я не могла поверить своим ушам, ведь мне никогда не хотелось пополнения в нашу семью. Эта новость окончательно лишила меня дара речи, я закрыла лицо руками и расплакалась. Моя реакция маме не понравилась, она назвала меня эгоисткой и в сердцах предложила переехать жить к отцу, с которым к тому времени я не виделась около десяти лет. Обида захватила мою душу, я убежала в свою комнату, чтобы обдумать план побега из дома.

Перебирая вещи, которые я планировала взять с собой, и пересчитывая деньги, накопленные из карманных расходов, я рыдала навзрыд, отчего одежда и купюры в моих руках быстро становились мокрыми. Мне было одиноко и страшно, но я решила не только покинуть свой дом, но и уехать из страны работать по объявлению. В рекламных газетах конца девяностых годов прошлого века размещали предложения быстро заработать большие деньги за границей. С подругами мы часто представляли роскошную жизнь своих сверстниц, решивших уехать за кордон и начать самостоятельную жизнь, даже не подозревая истинное положение дел несовершеннолетних дурочек, попавших в руки современных работорговцев. Разложив свои пожитки по комнате, я свернулась калачиком на кровати и моментально уснула.

Утром меня разбудила мама, она поцеловала меня в голову. Я посмотрела на неё и, к своему удивлению, обнаружила следы ночных слёз на её лице. Она присела на краешек кровати и сказала: «Солнышко, прости меня, я не хотела тебя обижать и хочу поговорить с тобой». Она стала рассказывать о достоинствах Игната Алексеевича, его щедрости и любви, которая давно жила в их сердцах. В ответ я заявила, что решила уехать работать в Египет. Мама на мгновение потеряла дар речи, но выдохнула и спокойно объяснила, для каких целей туристические фирмы осуществляют набор русских красавиц. Я беспомощно уткнулась в подушку и снова заплакала, сквозь слёзы говорила, что не хотела ничего менять, при-

водила в пример отчимов подруг, которые с трудом скрывали раздражение, общаясь с падчерицами, но мама гладила мои волосы и смогла упросить меня сделать над собой усилие, чтобы познакомиться с Игнатом Алексеевичем.

Званный ужин состоялся тем же вечером. Мамин избранник мне совсем не понравился, но при встрече он подарил одну из первых моделей мобильного телефона Motorola, о которой я даже не решалась мечтать. Этот подарок привёл меня в восторг, но я равнодушно приняла заветную коробочку и никак не могла дождаться, когда нежеланный гость уйдёт, чтобы насладиться этим чудом техники.

На следующую встречу он принёс сумочку для телефона, усыпанную разноцветными стразами. Мне не хотелось узнавать будущего мужа мамы, но его внимание и подарки приносили радость. К моменту свадьбы я перестала раздражаться и с радостью принимала участие во всех подготовительных процессах этой трогательной церемонии. Когда мама надела белоснежное платье, я захотела расплакаться, но портить дорогий макияж, который мне впервые сделали в салоне красоты, не стала. Праздник получился весёлым и очень душевным...

Мы с мамой переехали жить в квартиру Игната Алексеевича, а своё жильё сдали внаём приезжей паре. Пока «молодые» супруги ждали появления на свет своего ребёнка, я закончила школу. В положенное время на свет появился мой брат, которого называли Сергеем, в честь нашего дедушки,

умершего задолго до моего рождения.

Я думала, что не захочу даже брать в руки этот кричащий комочек, доставивший столько сложностей здоровью мамы, но при первой нашей встрече поняла, как сильно ошиблась. Маленький, беззащитный ребёнок мгновенно растопил моё сердце, заняв в нём особенное место.

Благодаря финансовой поддержке отчима я поступила в университет на юридический факультет. С Игнатом Алексеевичем мы не стали ближе, но в глубине души я благодарила его за помощь и поддержку. В нашей семье появились новые традиции, совместные прогулки и походы в лучшие рестораны города, но я всё равно мечтала найти своего родного отца, чтобы возобновить с ним отношения. Мне хотелось рассказать ему о своих успехах и узнать, как сложилась его жизнь. Мама, услышав о моих планах, стала противиться этому порыву, она умоляла забыть отца и всем сердцем полюбить чужого мужчину, который, по её мнению, своими поступками давно доказал право стать настоящим родным для меня человеком. Игнат Алексеевич, услышав этот разговор, попросил маму успокоиться, а мне пообещал помочь с поиском адреса отца через друзей, служивших в правоохранительных органах.

Через неделю в моих руках был листок с нужной информацией. Отчим попросил пока ничего не говорить маме, а прежде вместе сходить «на разведку» в указанную квартиру. Я стала сопротивляться, утверждала, что справлюсь сама, но

Игнат Алексеевич запретил мне идти одной и поручил своему водителю везде меня сопровождать.

Дом, в котором, предположительно, жил мой отец, находился на окраине города. Обшарпанные двери и стены были частично испачканы копотью, войдя в подъезд, я почувствовала резкий запах аммиака и других элементов выделительной системы человека и животных. Водитель предложил вернуться в машину, но, увидев мой решительный настрой, замолчал и первым пошел по деревянной лестнице, ведущей на второй этаж.

Я постучала в нужную дверь, которую распахнул мужчина, мутными глазами он посмотрел на незнакомцев и спросил, что нам нужно. Водитель не стал дожидаться моего ответа и сам спросил имя мужчины. Нелепо приглаживая поредевшие волосы на голове, он представился, в ответ я назвала своё имя. «Доченька, родная, проходи!» – продолжил отец. Мы переступили порог дома и, не разуваясь, прошли в комнату, которую хозяин назвал гостиной.

Старые, вытертые ковры на стенах и полу, оборванные шторы, грязное, застиранное бельё на старом, частично разрушенном диване больше напоминали ночлежку, чем место для приёма гостей. Я присела на край табурета и решила немного поговорить с отцом. Он вдруг стал плакать, говорить, что проклят навеки. Я предложила всё объяснить, чтобы подумать, как помочь, но отец смахнул слёзы и ответил, что не имеет права принимать от меня милостыню. Мне хо-

телось успокоить его, но разговор никак не клеился. На все вопросы о второй жене, его родителях и других родственниках, о которых говорила мама, он отвечал односложно: «Умерли». Эта информация повергла меня в шок. Пока я пыталась узнать подробности жизни отца, он пустыми глазами смотрел в одну точку, потом перевёл взгляд на меня и сказал, что смертельно болен и нуждается в срочной операции. Я снова попыталась всё разузнать, но отец лёг на разломанный диван и отвернулся лицом к стене. Водитель взял меня под руку и предложил уйти. Мне оставалось написать свой контактный номер телефона на клочке газеты, лежавшей на столе, и согласиться с водителем.

Дома меня встретил Игнат Алексеевич. Я сухо поздоровалась с ним и вошла в квартиру. Мама с Серёжкой гуляли во дворе, поэтому мы были одни. Надев тапочки, я поплелась в свою комнату. В моей душе были смешанные чувства, с одной стороны, мне было жалко убогого отца, но с другой – стыдно осознавать, в кого он превратился. Я легла на кровать, тихонько заплакала и не услышала, как в комнату вошел Игнат Алексеевич. Он сел рядом, стал гладить мои волосы и попросил успокоиться. Без лишних вопросов отчим понял, что встреча с родным отцом прошла не так, как я мечтала, потом помолчал и предложил свою помощь. «Вам, наверное, неприятна вся эта история с бывшим мужем мамы?» – вдруг спросила я. «Конечно, меня она не радует, но ещё больше огорчают твои слёзы, доченька», – ответил Иг-

нат Алексеевич. Никогда прежде он не называл меня так, но я понимала, что не имела права пользоваться его щедростью и просить денег для отца. Я не хотела рассказывать, в каких убогих условиях существовал мой родитель и теперь нуждался в операции, но отчим нашел подходящие слова, чтобы мне захотелось разоткровенничаться. В ответ Игнат Алексеевич поведал историю трудных отношений со своим отцом, наполненную горечью обид и поздним осознанием важности этих родственных связей. Он знал, как дорог был мне родной отец, и, не задумываясь о реакции мамы, набрал номер телефона руководителя медицинской клиники, чтобы договориться об обследовании и лечении пьющего пациента. Я поблагодарила отчима за помощь и впервые нежно обняла его за шею. Он поцеловал меня в лоб и предложил вместе отведать пирожные, которые мама запрещала нам кушать до ужина...

Игнат Алексеевич сдержал своё обещание, отца положили в клинику, но не смогли спасти. Через месяц после операции он умер. Все хлопоты, связанные с похоронами, отчим взял на себя, что в очередной раз удивило нас с мамой. Отец никогда не верил в Бога, не был крещёным человеком, поэтому прощание с ним мы решили провести в зале для траурных мероприятий. Мама осталась с Серёжей дома, отчим отправился со мной. Я не хотела затягивать этот процесс, но, когда в зал зашли люди, решила задержаться.

Неизвестная компания состояла из пожилой пары, двух

человек средних лет и нескольких юношей и девушек. Все безутешно плакали и пытались сказать слова прощания. Я смотрела на незнакомцев и не могла понять, кем приходились эти люди отцу, если, с его слов, он был совсем одиноким человеком. Пока он лежал в больнице, мы смогли немного узнать друг друга. Оказалось, его вторая жена много лет назад ушла к другому мужчине, а остальная родня умерла. Игнат Алексеевич, увидев мой растерянный вид, попросил перенести выяснения отношений после похорон. В ответ я утвердительно кивнула головой, но вдруг от пожилой женщины услышала: «Сыночка, прости!» Мы переглянулись с отчимом, но в диалог вступать не стали. Через тридцать минут Игнат Алексеевич предложил всем переместиться на кладбище. Пока выносили гроб, женщина средних лет стала стенать: «Братик мой, родненький, как же так?» Я не могла поверить своим ушам.

Когда работники кладбища установили крест на могиле отца, я не выдержала и спросила: «Объясните мне, пожалуйста, вы кто такие?» Угрюмый возрастной мужчина назвался отцом усопшего, показывая кривым пальцем в сторону пожилой женщины: «Она мать, а рядом родная сестра с мужем и нашими внуками». «Какая мать, отец и прочая родня, мой отец был одиноким человеком?!» – вдруг яростно заявила я. Пожилая женщина стала плакать ещё громче, дед начал качать головой. Женщина средних лет посмотрела на меня и объяснила, что много лет назад её родители развелись

и решили разделить совместное имущество. Продав огромный дом в центре города, долгие годы являющийся родовым гнездом этого семейства, мои дедушка с бабушкой приняли решение, согласно которому моя новоиспечённая тётя с четырьмя детьми купила большую просторную квартиру, поскольку в ней должна была остаться жить бабушка после развода. Моему отцу и его второй жене приобрели маленькую квартирку на окраине города, где я его обнаружила. Дед, уличённый в измене, переехал жить к новой немолодой избраннице.

Как оказалось, моему отцу это решение не понравилось, он долго скандалил, требовал после продажи дома разделить деньги поровну на четверых членов семьи, утверждал, что вскоре обзаведётся кучей малышей, считал несправедливым раздел имущества. Дед снова и снова объяснял моему отцу доводы в пользу такого решения, но особенное отношение к сестре, которую он сам когда-то любил всем сердцем, он не принял и объявил, что больше не желает никого знать, поскольку считает всех умершими. При случайной встрече на улице отец переходил на другую сторону и никогда не здоровался, но перед самой смертью позвонил сестре и попросил у неё прощения. Они не успели встретиться, но в больнице, где он лежал, отец указал номер телефона родственников, которым нужно было позвонить при летальном исходе.

Оглушённая этой горькой правдой, я стояла как вкопанная и не могла пошевелиться. «А почему вы не искали меня?

Ведь я тоже ваша внучка», – вдруг спросила я. В ответ все стали глупо пожимать плечами и говорить невнятные слова. «Если вы знали, что ваш сын умер, почему не организовали похороны?» – не унималась я. Этот вопрос тоже остался без ответа. Я не могла поверить в эту историю и всё время мотала головой. Мне вдруг стало стыдно перед Игнатом Алексеевичем за то, что он столько времени и денег потратил на человека, который, отравленный своей обидой, бесцеремонно пользовался его добротой. Я повернулась к отчиму лицом, стала просить прощения и расплакалась, как ребёнок. Он обнял меня и сказал: «Родная, тебе не за что извиняться, поехали домой».

Родственники предложили обменяться телефонами, но Игнат Алексеевич преградил им дорогу и ответил: «Если надо, моя дочь вас сама найдёт!» Он взял меня под руку и отвёл к машине. Я не хотела ехать домой, но не решалась заговорить. Отчим, будто услышав мои мысли, предложил съездить в кафе и немного выпить, поскольку эта история его тоже сильно потрясла.

Водитель отвёз нас в любимый ресторан Игната Алексеевича. После небольшой порции коньяка я успокоилась и полноценно поблагодарила отчима за его доброе сердце, он только улыбался в ответ и утверждал, что всегда будет готов прийти мне на помощь. Потом Игнат Алексеевич попросил не заниматься разделом долей в квартире, которая досталась мне и «чудесным» родственникам в наследство после смер-

ти отца. Он предположил, что они будут готовы перегрызть глотку для оформления прав на убогое жилище. Я хотела поспорить, но под «давлением» нужных слов пообещала забыть эту историю про отцовскую халабуду. Мы ещё немного поговорили о странном характере отца, его спорном решении вычеркнуть всех близких людей из жизни и принялись вкушать фирменные блюда ресторана.

Мне впервые в жизни захотелось поговорить с Игнатом Алексеевичем по душам. Он сопротивляться не стал и с лёгкостью отвечал на все мои самые откровенные вопросы о своей семье, ранней потери своей мамы, двух неудачных браках, неоднократном предательстве партнеров и главной встрече в жизни с любимой женщиной. После моего «допроса» Игнат Алексеевич принялся «пытать» меня о личной жизни, которая была крайне скудной. К двадцати годам я успела несколько раз влюбиться, столько же раз разочароваться в парнях, но не потеряла надежды обрести своё счастье.

Отчим, выслушав мой рассказ, пообещал закатить мне шикарную свадьбу, но только после того, как будет абсолютно уверен в правильности моего выбора. Я посмеялась в ответ, но прежде попросила дождаться претендентов на мою руку и сердце. Отчим улыбнулся и заявил, что такая красавица недолго будет одна. Так и случилось. Вскоре после похорон отца я встретила мужчину своей мечты.

Мы познакомились в ночном клубе. В тот вечер я с по-

дружками отмечала окончание третьего курса университета, широкоплечий красавец Артём вместе с компанией молодых мужчин праздновал день рождения друга. Наши столики находились рядом, но в конце вечера две компании объединились в одну и под утро вместе праздновали общий повод: «За знакомство!» Мы с Артёмом сразу понравились друг другу и после клуба решили продолжить наше знакомство в кофейне, круглосуточно принимающей ночных загулявших посетителей.

Пока в уборной я поправляла макияж и причёску, растрёпанную после жарких танцев, мой спутник успел сбежать в соседний полуночный магазин, чтобы купить мне роскошную розу алого цвета. Мы заказали кофе, но через мгновение оба решили подкрепиться чем-нибудь посерьёзней и выбрали фирменную пиццу. Артём засмеялся и сказал, что впервые видит девушку с таким здоровым аппетитом. Я объяснила, что по утрам позволяю себе скушать всё что угодно.

За окном стало окончательно светло, когда официантка принесла нам заказ. Деталей нашего длинного и весёлого разговора я не помнила, но в душе понимала, что наконец-то встретила ЕГО. Когда кафе наводнилось любителями свежих круассанов, мы решили разъехаться по домам. Артём вызвал такси и проводил меня до самой двери. Он утверждал, что такую красавицу, как я, нельзя отпускать одну. На прощание он взял мой номер телефона и поблагодарил за вечер. «И утро!» – смеясь, добавила я.

Мне хотелось беззвучно проникнуть в квартиру, но на пороге меня уже ждал Игнат Алексеевич. «Привет, гулёна, у тебя сердца нет, мы с мамой не знали, что думать, – суровым голосом начал отчим, но потом, увидев цветок в моей руке и счастливую улыбку добавил: – Ах, понятно». «Миленькие родители, у меня разрядился телефон, простите», – ответила я. Потом мне хотелось рассказать, что я давно выросла и не нуждалась в опеке, но Игнат Алексеевич тихонько попросил прошмыгнуть в свою комнату, чтобы мама не увидела время, в которое я нарисовалась домой. С вечера она сильно гневалась на меня. Поцеловав своего защитника в щёку, я мигом разулась и беззвучно проскочила к себе.

Проснувшись к обеду, я почувствовала в доме приятный аромат блинов, мне хотелось встать и пойти на кухню, но вчерашняя вечеринка давала о себе знать, я повернулась на другой бок и хотела ещё немного поспать, но вдруг услышала топот маленьких ножек моего брата. Нарочно спрятавшись под одеялом, я дождалась, пока он подошёл поближе, и резко вскочила, словно приведение. Ребёнок закричал во весь голос, я схватила «добычу» и, рыча, словно злой признак, стала целовать его живот. Серёжка стал залиvisto смеяться, а когда вырвался «из плена», посмотрел в мои глаза и серьёзно, а главное внятно спросил: «Где ты была?» В его интонации слышались ноты мамы, я не смогла сдержаться и засмеялась в голос, схватила брата на руки и со словами: «Мама, мама, Серёжка заговорил!» понесла его на кухню. «Видишь,

даже брат переживает за тебя», — язвительно заявила мама.

Я глубоко вздохнула и попыталась объяснить, что уже очень взрослая девушка, которая, возможно, влюбилась. Мама быстро отставила в сторону сковородку, на которой жарила блины, и принялась расспрашивать детали моего свидания. Вдруг Серёжка, который не собирался сходить с моих рук, закрыл ладонью мой рот и сказал, что видел аленький цветочек у меня на столе. Тогда они с мамой читали на ночь русские народные сказки, и впечатлительный ребёнок во всём видел предметы волшебства, описанные в книгах. Мы рассмеялись и решили поставить цветок в вазу с водой, но, пока я спала, бутон потерял свежесть и сник. Мне не хотелось расставаться с первым подарком суженого, поэтому я решила цветок засушить. Выбрав самый толстый сборник кодексов, которые претерпели огромные изменения и не могли быть использованы в учёбе, я вложила аленький цветочек в середину книги и поставила её между другими учебниками на книжную полку...

Тем же вечером мы с Артёмом встретились в парке. Он подарил мне букет ирисов и предложил прогуляться по набережной реки. Теперь без шума и суеты мы смогли рассказать друг другу о себе. Артём был родом из соседней деревни и многодетной семьи, после окончания школы он отучился в техникуме, отслужил в армии, смог попасть в вооружённые силы и теперь служил в отряде специального назначения, о деятельности которого распространяться он не стал,

но очень гордился своей работой. К тридцати четырём годам Артём несколько раз был женат на женщинах, не способных хранить ему верность. В представительницах слабого пола он разочаровался, но, увидев меня, решил снова попробовать начать новую жизнь. Для покупки собственной квартиры Артём залез в большие долги, но вскоре собирался их закрыть, планируя получить отличные премиальные в конце года. Про свою маму он говорил неохотно, утверждал, что она обожала только его старших сестёр. В родную деревню Артём приезжал редко, только чтобы навестить могилу отца, умершего несколько лет назад. Когда на улице начался дождь, мой спутник предложил показать свою квартиру, но я не была уверена, что готова остаться с незнакомым мужчиной наедине. Мы стали близки лишь после нескольких недель нашего стремительного романа.

Квартира, в которой жил Артём, напоминала берлогу холостяка. Перед моим приходом хозяин жилища пытался привести его в порядок, но от моего внимательного взора не ускользнули пыль и грязь, накопленные в углах квартиры. Я не хотела оставаться на целую ночь в чужой постели, но страсть наших тел утихла только к утру. На рассвете Артём предложил переехать жить к нему. Мне захотелось начать новую жизнь, но прежде я должна была поведать о своих планах Игнату Алексеевичу и маме. Они спокойно выслушали меня и предложили пригласить моего избранника на семейный обед для знакомства. Артём сопротивляться не стал и,

дождавшись выходного дня, пришёл в гости.

Встреча прошла в напряженной обстановке, после которой Игнат Алексеевич заявил, что не одобряет мой выбор и считает скоропостижным решение жить вместе. Я попыталась объяснить, что полюбила Артёма всем сердцем, но отчим не унимался. По его мнению, мой избранник был закомплексованным, циничным человеком, не способным стать настоящей опорой для меня. В ответ я лишь утверждала, что, живя вместе, смогу лучше узнать будущего мужа. Игнат Алексеевич требовал поддержки от мамы, но она попросила всех успокоиться и дать возможность мне самой строить свою жизнь.

После того как Серёжку уложили спать, в комнате родителей ещё несколько часов не утихали жаркие споры. Слова я не слышала, но понимала, что речь шла обо мне. Наутро Игнат Алексеевич сдался, но потребовал у меня обещание при возникновении трудностей не задумываясь вернуться домой. Я поцеловала в щёку отчима, обняла маму, быстро собрала первые необходимые вещи и тем же вечером переехала жить к своему возлюбленному.

Мне захотелось окружить Артёма заботой и любовью, поэтому я быстро привела его дом в порядок, накупила недостающий кухонный инвентарь, приобрела новые шторы в спальню, обустроила ванную комнату. До начала моего обучения на четвёртом курсе университета Артём смог взять на работе несколько недель отпуска. Вместе мы отдыхали на

природе, я познакомилась с его коллегами и слышала много хороших слов в его адрес от сослуживцев. Они наперебой рассказывали о его бесстрашии даже в самых сложных ситуациях и порядочном отношении к друзьям. Никогда прежде я не была так счастлива, но отпуск Артёма закончился, ему пришлось ухать в служебную командировку, а я стала готовиться к занятиям в вузе.

Мой возлюбленный предупредил, что будет отсутствовать несколько недель и находиться вне зоны доступа сотовой связи. Каждый день я ждала своего героя со службы и верила, что вскоре крепко обниму его. Артём вернулся через десять дней, но вместо радости от встречи он сухо поздоровался со мной, спросил, чем я буду кормить его на ужин. Я не стала мучить уставшего мужчину расспросами, накрыла на стол и молча ждала, когда он спросит, как мои дела. Ужин прошёл в гробовой тишине...

Утром мой возлюбленный будто пришёл в себя. Он извинился за своё молчание и предупредил, что иногда тяжело переживает сложности на работе. Мы жарко целовались и поняли, как сильно соскучились друг за другом. Иногда Артём возвращался домой в прекрасном расположении духа, но чаще пребывал в молчаливой депрессии, мог на несколько дней исчезнуть из дома, находился без связи, но, когда забывал работу, снова был любимым и желанным мужчиной.

После очередного недельного расставания с Артёмом я решила принять приглашение подруг и сходить с ними в ноч-

ной клуб, чтобы развеяться и потанцевать. Я не смогла дозвониться до любимого человека, чтобы предупредить его о моих планах, поэтому на всякий случай написала записку, в которой указала место нашей дружеской вечеринки.

В клубе звучала скучная музыка, поэтому через час мы с девчонками решили посетить другой танцпол, который открылся после продолжительного ремонта. В честь первых посетителей в баре нас угостили вкусными коктейлями. Домой я вернулась далеко за полночь. Напевая песенку, звучащую перед моим уходом из бара, я открыла дверь и увидела в коридоре форменную обувь Артёма. «Милый, ты вернулся?» – быстро разуваясь, сказала я, но вместо радостного приветствия услышала сухое: «Где шлялась?» «Любимый, что с тобой? Я заскучала без тебя и решила немного повеселиться с подружками. Ты был недоступен, поэтому я оставила тебе записку и ужин в холодильнике», – словно на экзамене, выпалила я. «Не ври, я был в том клубе и тебя не нашёл!» – переходя на крик, сказал Артём. В ответ я засмеялась и продолжила: «Ну, правильно, там было тухло, и мы пошли в “Cálise” на Советской». «Зачем ты врёшь? Этот кабак не работает с лета!» – во весь голос закричал он. Я захотела объяснить, что сегодня состоялось открытие этого питьевого заведения, но, увидев ярость в глазах возлюбленного, перестала оправдываться, развернулась и ушла в ванную комнату. За дверью я слышала грохот битой посуды и отборные маты в свой адрес с обвинениями в измене. Я реши-

ла принять душ, после чего вернуться к выяснению отношений, но, когда вышла в коридор, Артёма в доме не обнаружила. Собрав осколки тарелок, разбитых ревнивцем, я отправилась в спальню, чтобы хорошенько выспаться.

Утром возле кровати меня ждал букет красивых цветов и записка со словами извинений. Я не услышала, когда Артём вернулся домой, но, увидев его на кухне, решила выяснить причину такой яростной реакции. Он как ни в чём не бывало варил кофе и готовил яичницу. «С добрым утром, любимая, я тут вчера немного погорячился», – сказал Артём. Я начала возмущаться вчерашнему скандалу, но в ответ услышала, что он проверил мои слова, съездил в кабак, показал моё фото охране, уточнил, с кем я приехала и покинула это место, поэтому считал меня невиновной. «Будешь завтракать?» – мило улыбаясь, спросил Артём. Я смотрела на него и не могла поверить, что вчерашний истерик и этот приветливый мужчина был одним и тем же человеком. «Я не хочу, чтобы ты дулась, просто я переживал за тебя», – продолжил Артём. Мне не хотелось разговаривать с ним, я выпила воды и вернулась в постель. Спустя несколько минут возлюбленный, шепча нежные слова, целовал мою шею...

С тех пор мы почти не ссорились, делали друг другу сюрпризы и были абсолютно счастливой парой, но спустя три месяца у Артёма вновь случился приступ ревности. В этот раз поводом для битья посуды и беспочвенных обвинений в измене стал мой разговор по телефону с однокурсником

мужского пола. Вскоре меня ждало жаркое примирение, но я стала ощущать усталость от таких перепадов в отношениях. Через месяц Артём увидел меня в компании соседа по лестничной клетке, с которым мы обсуждали замену почтовых ящиков в подъезде. Помимо обвинений в порочной связи с невзрачным пожилым человеком, очередного битья посуды Артём напился, наутро похмелился пивом и к обеду продолжил «заливать» своё униженное достоинство водкой. Я дождалась, когда пьяный дебошир заснул, позвонила маме и напросилась в гости.

Дверь открыл Игнат Алексеевич. Он внимательно посмотрел на меня, но задавать лишних вопросов не стал. Просто обнял и сказал: «Доченька, привет, я очень рад тебя видеть». Через мгновение в коридор выскочил Серёжка и, увидев меня, стал громко кричать: «Ура!!! Мафа вернулась!» Он до сих пор плохо справлялся с шипящими звуками, но тараторил без остановки. Пока я разувалась, успела выслушать целый рассказ о друзьях в детском саду брата и блинчиках, которые готовила мама специально для меня. Подхватив потяжелевшего Серёжку на руки, я расцеловала его румяные щёчки и отправилась на кухню. Мама хлопотала у плиты, но, увидев меня, отставила сковородку и напряжённо спросила: «Родная, что-то случилось?» Я не знала, что ответить, но не стала расстраивать близкого человека и сказала, что просто сильно соскучилась. «Тогда мой руки и быстро за стол», – улыбаясь, ответила мама, завершая приготовление

своих бесподобных фирменных блинчиков.

Я поставила Серёжку на пол и, взяв его за руку, отправилась в ванную комнату, но, увидев открытую дверь в свою комнату, решила в неё заглянуть. За год моей самостоятельной жизни я редко бывала дома, с родными мы встречались в кафе или в парке, но мне было приятно, что моя комната осталась нетронутой. Игнат Алексеевич заглянул ко мне и решил немного поговорить о нас с Артёмом. Мне хотелось сказать, что всё в порядке, но усталость и обиды, накопленные в моей душе, не позволили мне соврать. Я попыталась подобрать слова, чтобы объяснить особенности характера моего избранника, но мой голос задрожал, и я расплакалась. Отчим обнял меня и попросил успокоиться: «Ты же знаешь, это твой дом, в котором тебя очень любят, бросай своего истерика и возвращайся к нам». «У вас своя семья», — хлюпая носом, ответила я. Игнат Алексеевич задумался и предложил освободить квартиру мамы от жильцов, сделать там ремонт и поселиться в поисках настоящей любви. Он обещал помочь во всех вопросах, для того чтобы поскорей увидеть счастье в моих глазах. Я поблагодарила за поддержку, но попросила время для принятия решения, поскольку расстаться с Артёмом ещё не была готова. Мы немного поговорили про мои успехи в учёбе и отправились за стол.

Вечер прошёл в семейной и тёплой обстановке. Серёжка устроил нам небольшой концерт, шпарил «Муху-Цокотуху» наизусть и заливисто пел русские народные песни. Когда ма-

ма убирала со стола, она нечаянно зацепила рукавом халата керамическую пиалу, падая на пол, та с грохотом разлетелась на мелкие кусочки. От неожиданности и страха я закричала в голос. Слезы невольно побежали из моих глаз. «Милая, это же просто посуда, она бьётся на счастье, – попытался успокоить меня Игнат Алексеевич. – Правда, только твоя мама умудряется колотить фарфор ежедневно», – улыбаясь, продолжил он, но, увидев мои трясущиеся руки, молча достал метёлку и совок. На кухне наступила звенящая тишина, которую нарушил Игнат Алексеевич. Собрав осколки пиалы, он посмотрел на меня и почти командным тоном заявил, что не позволит мне вернуться в дом к человеку с расшатанной психикой. «Не хватало, чтобы этот урод начал распускать руки», – с волнением в голосе заключил отчим. Я не знала, что сказать, но ночевать осталась в доме родителей, а когда смогла дозвониться до Артёма, предупредила, что решила временно пожить у мамы. Мой возлюбленный стал извиняться, умоляла простить и вернуться к нему.

Вечером возлюбленный пришёл за мной с цветами. Игнат Алексеевич пригласил Артёма в кухню, закрыл за собой дверь и о чём-то долго говорил с ним. После пригласил отдельно меня и спросил о моём решении. Я неуверенно пожала плечами, но сообщила, что готова дать Артёму ещё один шанс. Отчим обнял меня и сказал, что никому не позволит меня обижать. Поцеловав Игната Алексеевича в щёку, я поблагодарила его за помощь. Следующую ночь я провела в

объятиях Артёма...

Несколько недель безоблачного счастья позволили стереть в памяти осадок былых ссор. Я планировала досрочно сдать сессию, чтобы в первой половине лета отправиться с Артёмом в отпуск. Приходилось зубрить материал, готовить контрольные и курсовые работы, пропадать в библиотеке университета. Артём много работал, выходные дни тоже был на службе, но иногда писал мне трогательные сообщения в телефон.

Однажды вечером я услышала стук в дверь. Я подумала, что Артём забыл ключи от дома, и радостно побежала встречать любимого, но на пороге увидела его сослуживца в форме. Мужчина объяснил, что Артём снова запил и не выходит на работу и связь. Я стала отрицательно мотать головой, говорила, что это какая-то ошибка, объясняла, что возлюбленный занят на службе, пьёт редко и, когда есть возможность, ночует только дома. Незнакомец язвительно усмехнулся и попросил передать, что у Артёма будут серьёзные неприятности, если он не покажется руководству в ближайшее время. Мне оставалось пообещать выполнить эту просьбу и в недоумении закрыть дверь.

Дома Артём появился через несколько дней. Мне нужно было спешить на последние лекции, поэтому я не обратила внимания, в каком состоянии находился Артём. Он своими ключами открыл дверь и сразу отправился в ванную. Я через дверь спросила, как его дела, и, услышав простой ответ:

«Нормально», отправилась в университет.

В конце лекций я получила «автоматом» зачёт по международному праву, позвонила маме, чтобы поделиться своим успехом, и в прекрасном расположении духа отправилась домой. Вместо радостного приветствия я услышала невнятное мычание. Зайдя на кухню, я обомлела. Всюду валялись мои вещи, на полу лежали осколки новых тарелок, купленных на днях, за столом сидел пьянящий Артём в компании двух бутылок водки. Осколки тарелок лежали в раковине. Я попыталась заговорить с возлюбленным, но в ответ услышала протяжное: «Шлю-ха». «Господи, опять началось, пора возвращаться домой», – подумала я и отправилась в спальню, чтобы собрать свои вещи. Артём перегородил мне дорогу и стал кричать. Он требовал объяснений, почему я впустила в дом неизвестного человека и развлекалась с ним в нашей постели. Я крутила пальцем у виска и в ответ требовала прекратить этот пьяный балаган. Разъярённый мужчина утверждал, что слышал, как сослуживец рассказывал мужикам в отряде про мою красоту. Артём подошёл ко мне поближе и стал требовать подробностей моего предательства. Я стала кричать в ответ и заявила, что разлюбила его и собираюсь вернуться домой. «К извращенцу папаше? Я видел, как он на тебя похотливо смотрел, знаю этот взгляд. Не терпится снова залезть к нему в штаны?» – брезгливо заявил Артём. Услышав эти гадкие слова, мой разум словно помутился, я обернулась к обидчику и со словами: «Закрой свою грязную пасть. Мой

папа достойный мужчина, в отличие от тебя, пьяная свинья» влепила ему звонкую пощёчину.

Получив оплеуху, Артём пришёл в ярость и с размаха ударил меня кулаком в лицо, я потеряла равновесие и упала на пол. Резкая боль пронзила голову, тёплая кровь потекла из носа по губам. Я не успела опомниться и получила сильный удар ногой в живот. Скрючившись от боли, я стала хрипеть, но ублюдок не собирался останавливаться и продолжал бить меня ногами по телу. От страха, который меня парализовал, я не смогла оказать ему сопротивление, закрыла лицо руками и сгруппировалась в позе эмбриона. «Получай, получай, я научу тебя жизни, избалованная дрянь!» – выкрикивал садист, нанося новые удары ногами.

В моей голове была лишь одна мысль: «Сейчас я умру», но мучитель вдруг остановился, зарычал, словно раненый зверь, и вернулся на кухню. Расколов ещё несколько тарелок, он схватил куртку и выскочил из квартиры.

Услышав щелчок замка на двери, я зарыдала в голос. Подняться на ноги сразу я не смогла и ползком стала искать свою сумку. Кровь из носа и рта лилась ручьём. Нашупав телефон в боковом кармане сумки, я, не раздумывая, набрала номер Игната Алексеевича. В трубке я слышала радостный голос отчима, но не смогла подобрать слова и захрипела: «Папа, забери меня, пожалуйста». Без лишних слов он уточнил адрес и через пятнадцать минут стучал в мою дверь. На случай возвращения Артёма домой я закрыла дверь ключами изнут-

ри квартиры и, прислонившись к трюмо, сидя на полу, ждала появления спасителя. Удостоверившись, что в дом стучится Игнат Алексеевич, я с трудом поднялась на ноги и открыла дверь...

Увидев меня, отчим резко побледнел, я снова зарыдала и закрыла окровавленными руками своё разбитое лицо. «Доченька моя, ты полицию вызвала?» – тихим голосом спросил отчим. В ответ я только отрицательно мотала головой. Игнат Алексеевич крепко обнял меня и предложил присесть на стул. Он осмотрел моё опухшее от синяков и слёз лицо, вынул свой огромный носовой платок и, намочив его водой, стал аккуратно вытирать кровь. Потом достал телефон, позвонил в скорую помощь и каким-то приятелям из полиции. Через десять минут меня осматривала бригада врачей и допрашивал какой-то мужчина в форме.

Резкое головокружение лишило меня равновесия, стало тошнить, и началось кровотечение. Пока медики разбирались с носилками, Игнат Алексеевич подхватил меня на руки и донёс до машины скорой помощи, сам сел рядом и отправился со мной в стационар. Больше я ничего не помнила и очнулась лишь через сутки в реанимации. Доктор сказал, что у меня была обнаружена серьёзная черепно-мозговая травма головы, сломаны нос и три ребра, но главное, он сообщил, что я потеряла ребёнка, о котором не подозревала. Я готовилась к сессии, поэтому не обратила внимания на изменения в организме, списывая всё на стресс, но теперь

понимала, чем были вызваны эти метаморфозы.

Мне было тяжело дышать, но врач обнадёжил, что после восстановления костей носа я смогу чувствовать себя лучше. Операция прошла на следующий день под наркозом, но я всё равно чувствовала приглушённую боль от ударов долота и молотка, выравнивающих искалеченные кости пазухи носа. Для сращивания рёбер меня заключили в жёсткий корсет, который сковывал движения. У меня болела каждая клеточка тела и души. Я всё время плакала и не могла поверить, что попала в эту жуткую историю, став центром внимания криминальных новостей города.

Игнат Алексеевич перевёл меня в платную палату и договорился о посещениях. Мама первая приехала ко мне и, увидев разбитое лицо своей дочери с повязкой на носу, расплакалась. Синюшными губами я попыталась успокоить её, но сама захлёбывалась от слёз. Она погладила мою голову и сказала, что этого уродца задержали и посадили в следственный изолятор. «Не беспокойся, милая, Игнат Алексеевич поможет наказать этого нелюдя», – подытожила мама. Она покормила меня куриным бульоном и показала видеообращение брата в телефоне. Серёжке сказали, что меня сбила машина, и он решил поддержать меня стихотворением про правила дорожного движения. Его забавная жестикуляция меня рассмешила, но резкая боль в груди не позволила расхохотаться в голос. «Мама, как ты думаешь, если я буду называть Игната Алексеевича папой, это будет звучать глупо? Ведь вы уже

семь лет живёте вместе», – вдруг спросила я. «Конечно нет, называть нашего защитника папой никогда не поздно и совсем не глупо», – ответила мама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.